

17. Раскатова, Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964 – 1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е.М. Раскатова. – М., 2011.

18. Расцветай, социалистическая культура Хакасии // Советская Хакасия. – 1967. – 26 января.

19. Топанов, Г. Высокий долг работников культуры / Г. Топанов // Советская Хакасия. – 1968. – 5 мая.

УДК 94 (47)

Ю.В. Уханова

*Научный руководитель: заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор М.А. Безнина*

МЕНТАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930 – 1960-Е ГГ.

В статье рассматриваются особенности ментально-поведенческих характеристик социального класса аграрных интеллектуалов на Европейском Севере России в 1930 – 1960-е гг.

Интеллектуальный капитал, аграрные интеллектуалы, самосознание, социальный класс, ценностные ориентации.

The article considers the features of mental-behavioral characteristics of social class of agricultural intellectuals in the European North of Russia in 1930s-1960s.

Intellectual capital, agricultural intellectuals, self-consciousness, social class, value orientation.

В общественных науках вопрос о месте и роли социального слоя людей, занятых интеллектуальным трудом в аграрной сфере советского периода, остается дискуссионным. Однако, несмотря на существование различных научных подходов при попытке разрешения указанных проблем, исследователи едины в том, что в составе сельского социума выделялась группа работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, которых отличали высокий по сравнению с другими группами уровень образования, а так же профессионализация их труда. Большинство советских ученых применяли к специалистам сельского хозяйства определение «интеллигенция», под которой в широком смысле понимались все люди преимущественно умственного труда [8, с. 136], в узком значении – социальный слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования, т.е. это специалисты всех отраслей хозяйства и культуры [15, с. 137]. В современной российской социологии прочно утверждается позиция, в рамках которой к специалистам чаще используется определение и самоопределение «интеллектуалы». При этом понятия «интеллектуалы» и «интеллигенция» противопоставляются: в первом случае это профессионализм, знания, во втором – вера в идеалы и человеколюбие [7, с. 45].

В настоящей работе реализуется новый подход к социальной структуре советского общества, разработанный и изложенный в трудах вологодских ученых М.А. Безнина и Т.М. Димони, учитывающий экономическое развитие СССР, его государственную капитализацию, которая влекла появление новых социальных классов [1], [2]. Согласно этому подходу, квалифицированные кадры специалистов советской

деревни трактуются как класс сельскохозяйственных интеллектуалов – носителей интеллектуального капитала в виде знаний, опыта, квалификации. На основе анализа делопроизводственной документации, писем интеллектуалов, адресованных в редакции газет, в партийные и советские органы, материалов периодической печати, публицистической и художественной литературы сделана попытка выявить особенности ментально-поведенческих характеристик интеллектуалов аграрного производства на Европейском Севере России в 1930 – 1960-е гг.

Формирование ментальных установок интеллектуалов сельского хозяйства происходило, прежде всего, под воздействием особенностей их экономического статуса. В 1930-е гг. с созданием колхозно-совхозной менялись роль и место носителей интеллектуального ресурса в аграрном производстве: они должны были стать не просто советчиками, как это было в индивидуализированной крестьянской экономике, а непосредственными участниками производственного процесса. В связи с этим важнейшей ценностной установкой сельскохозяйственных интеллектуалов являлся поиск своего места в аграрном производстве. Об этом ярко свидетельствуют их письма, адресованные в редакции газет в 1930 – 1940-е гг., в которых сельскохозяйственные интеллектуалы давали следующие оценки своей роли в развитии сельского хозяйства: «специалисты еще не имеют своего лица в производстве, не получили достаточного авторитета»; «агрономы не выполняют своего прямого назначения – не руководят сельскохозяйственным производством. Главный принцип работы специалистов – «раньше я советую, теперь – требую» не выполняется [16], [17]. Следовательно, во мнениях, изложенных в письмах интеллектуалов в прессу в начальный период внедрения интеллекту-

ального ресурса в аграрное производство, явно прослеживается то, что они болезненно воспринимали свою пассивную роль в производственном процессе.

В 1950-е гг. при поиске своего места в сельскохозяйственном производстве интеллектуальные кадры деревни нередко стремились занять такое же положение, как индустриальные специалисты. Показательно в этом плане коллективное письмо зоотехников Холмогорского района Архангельской области в 1954 г. в редакцию газеты «Правда Севера», в котором они задавались вопросом: «Почему на заводе и фабрике указания специалистов являются обязательными для исполнения, а в сельском хозяйстве их нарушают все, кому угодно? Чем мы хуже?» [12]. Однако недостаточно высокий уровень колхозного производства приводил к тому, что сельскому хозяйству было еще далеко до культуры промышленного производства, где специалист стал неотъемлемой частью, производственным мозгом и организатором [24, с. 297].

В то же время, если в письмах аграрных интеллектуалов в 1930 – начале 1950-х гг. центральное место занимала проблема определения их места в производстве, то во второй половине 1950 – середине 1960-х гг. – основное внимание уделялось важности и необходимости их труда в сельском хозяйстве. Ветфельдшер из Архангельской области писал в 1958 г. в газету «Правда Севера»: «Когда я окончил 7 классов, товарищи советовали мне идти в мореходную школу. Но я решил стать специалистом и поступил в Холмогорский техникум. Получив диплом, я с радостью поехал на работу в колхоз. Ведь долг молодого специалиста – вложить в производство все свои знания и силы, которые необходимы для эффективного развития сельского хозяйства» [14]. Следовательно, с усложнением аграрного производства возрастало значение интеллектуального ресурса, что отразилось на отношении специалистов сельского хозяйства к своей профессии во второй половине 1950 – середине 1960-х гг.

В системе ценностей сельскохозяйственных интеллектуалов особое место занимало понятие «служения интересам государства», которое формировалось во многом вследствие особенностей их правового статуса. Ввиду того, что до середины 1950-х гг. основная часть интеллектуальных кадров аграрного производства сосредотачивалась в государственном укладе, и они в большинстве своем являлись государственными служащими, им отводилась роль представителя государственных интересов в колхозах. Так, на страницах газет неоднократно указывалось на то, что специалисты сельского хозяйства, «работая в государственных организациях, опираясь на авторитет государственной власти, должны быть активными проводниками государственной и партийной линии на селе» [11]. В связи с этим для многих аграрных интеллектуалов было важно «оправдать доверие государства», что явно чувствовалось в их мнениях, изложенных в письмах в редакции газет в 1930 – 1950-е гг.

Для специалистов сельского хозяйства «как молодого отряда советской интеллигенции» было ха-

рактерно стремление к передовому поведению и демонстрации личного примера. Участковый агроном писал по этому поводу в газету «Социалистическое земледелие» в 1947 г.: «Колхозники должны видеть в специалисте сельского хозяйства запевалу, вожака, борца за поднятие производства» [21]. В материалах периодической печати, в делопроизводственной документации 1930 – 1960-х гг. неоднократно указывалось на то, что специалисты сельского хозяйства прилагали все усилия, чтобы добиться хороших результатов в работе. В заметке о специалистах сельского хозяйства, размещенной в газете «Социалистическое земледелие» за 1939 г., отмечалось: «наши специалисты стремятся лучше учиться, лучше работать, чтобы приносить больше пользы для развития колхозного хозяйства» [19]. В отчете сельскохозяйственного отдела Архангельского обкома КПСС за 1960 г. говорилось о том, что «в области много специалистов, которые своим личным примером показывают, как нужно работать. И результаты на лицо – из экономически отсталых ряд колхозов перешли в категорию передовых» [5, л. 103].

С другой стороны, когда специалисты не осуществляли своей «авангардной роли», это вызывало резкое осуждение в обществе. В частности, в 1939 г. состоялась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в которой участвовали передовики аграрного производства, в связи с этим в сельскохозяйственных газетах центрального и местного уровня много внимания уделялось проблеме того, что во многих районах в этом мероприятии не приняли участия сельскохозяйственные специалисты [20]. В докладной записке сельскохозяйственного отдела Вологодского обкома ВКП(б) за 1939 г. отмечалось, что, «несмотря на большое количество грамотных и ответственных агрономов, зоотехников и других специалистов в совхозах, среди них нет ни одного стахановца. Специалисты отстают от рабочих – не взяли на себя конкретных обязательств, а кое-где взяли, но не выполнили» [3, л. 17].

В связи с тем, что интеллектуалы сельского хозяйства вкладывали в аграрное производство интеллектуальный ресурс – свои знания, вопрос об образовании, квалификации занимал важное место в системе взглядов и представлений этого социального класса, о чем ярко демонстрируют письма интеллектуалов в редакции газет. В письмах встречаются следующие мнения аграрных специалистов по поводу уровня своего образования, профессиональной подготовки: «для старого агронома, особенно колхозного, нужны курсы по переподготовке, хотя бы 1 – 2-х месячные. Знаний, полученных когда-то в учебном заведении, уже недостаточно – их нужно обновлять» [18]; «Специалист, который живет знаниями, приобретенными когда-то в учебных заведениях или просто на курсах – застыл на месте. Специалист должен осознавать ответственность перед государством, которое дало ему образование, поэтому ему необходимо постоянно работать над повышением своей квалификации» [13]. Из приведенных высказываний видно, что интеллектуалы осознавали необходимость

работать над повышением своего образовательного уровня.

Сельскохозяйственных специалистов волновал вопрос о повышении не только своей производственной подготовки, но и политических знаний, а также общего культурного уровня развития. По мнению самих интеллектуалов, «настоящий специалист сельского хозяйства должен иметь не только высокую квалификацию, но и быть теоретически и политически подкованным, обладать широким кругозором» [22], для этого он должен «много читать сельскохозяйственной, политической, художественной литературы, выписывать газеты и журналы, ходить в кино, музеи, посещать различные выставки, концерты, то есть быть на селе носителем передовой культуры» [14]. Подобным образом описывается культурный уровень аграрных интеллектуалов в публицистической литературе. В очерке А. Вяткина рассказывается об участковых агрономах МТС, работавших в деревне 1950-х гг.: Илья Бузрев «окончил агрономический факультет при Пермском университете, но это было давно. А специалист сельского хозяйства должен быть новатором, поэтому И. Бузрев постоянно занимался своим самообразованием. Придя с работы, агроном садился за книги. В его домашней библиотеке – произведения классиков марксизма-ленинизма. Также он приобретал новинки сельскохозяйственной литературы, делал вырезки из газет, журналов...» [4, с. 30 – 60]. Участковый агроном МТС Сергей Гиляшев «читал журналы, газеты... Его любимая настольная книга – роман о трагической судьбе американского фермера – Джона Стейнбека «Гроздь гнева»... С. Гиляшев любил живопись. Недавно был в художественной галерее, где на него особое впечатление произвела репродукция картины «Рожь» И.И. Шишкина» [4, с. 60 – 90]. Эти факты свидетельствуют о том, что по культурному уровню интеллектуалы сельского хозяйства занимали особое место среди других социальных категорий сельскохозяйственного населения. К таким же выводам пришли сотрудники института истории АН в результате социологического исследования, проведенного в 1969 г. на территории ряда областей страны. Учеными было выявлено, что агрономы, зоотехники, инженеры и другие специалисты по всем образовательным показателям далеко опережали остальные группы населения колхозного села [23, с. 75].

Особенностью социального положения специалистов являлось то, что до середины 1950-х гг. они бывали в колхозах наездами, а проживали, главным образом, вблизи городов и районных центров. Кроме того, по социальному составу среди сельскохозяйственных интеллектуалов выделялась высокая доля выходцев из городской среды. Это приводило к тому, что их образ жизни, взгляды, поступки, внешний вид и т.д. в большей степени, чем у других категорий сельскохозяйственного населения, формировались под воздействием городской среды и городской культуры. В частности, это проявлялось в том, что, переезжая жить в деревню в середине – второй половине 1950-х гг., интеллектуалы сельского хозяйства предъявляли более высокие требования к материаль-

но-бытовому и культурному обслуживанию, по сравнению с остальным деревенским населением, что неоднократно отмечалось в делопроизводственной документации партийных и советских сельскохозяйственных органов Вологодской и Архангельской областей. Так, в отчете отдела кадров Архангельского областного управления сельского хозяйства за 1958 г. сообщалось, что «в отдел неоднократно поступают жалобы от колхозных специалистов на ухудшение бытовых условий их жизни после переезда в колхоз: ранее они жили в благоустроенном жилье, а если нет – пользовались общественной баней. Теперь живут в домах без удобств, а в бани не ходят, так как их нет» [6, л. 140]. В письме в редакцию газеты «Правда Севера» в 1954 г. специалисты сельского хозяйства Мезенского района Архангельской области отмечали, что «в районе культурно-просветительскому обслуживанию мало уделяют внимания: редко устраиваются концерты, мало читаются лекции, не везде созданы библиотеки, не регулярно демонстрируются фильмы. Причем никто из членов колхозного правления и колхозников на это не обращают внимания» [12].

Влияние городской среды на социальный статус сельскохозяйственных интеллектуалов ярко проявлялось в их внешнем виде, отличавшемся от обычного облика селян. В статье газеты «Красное знамя» Вологодского района за 1940 г. дается следующее описание внешнего вида ветеринарного фельдшера, приехавшего в колхоз: «молодой мужчина в модном костюме, в галстуке, с кожаной сумкой через плечо» [9]. В публицистической и художественной литературе также встречается характеристика внешнего облика, манеры поведения интеллектуалов, существенно отличавшихся от деревенских жителей. В очерке А. Вяткина «Творцы плодородия» (1950 г.) участковый агроном МТС Сергей Гиляшев «был всегда чисто выбрит, одет в костюм, говорил спокойно, интеллигентно» [4, с. 60 – 90]. В романе Г. Николаевой «Жатва» (1952 г.) молодая девушка, участковый агроном Валентина, «впервые появившись в колхозе, обходила поля, разодетая в беличью шубу до пояса» [10, с. 105].

Жизнь и работа аграрных интеллектуалов в деревне приводила к постепенному сближению этого социального класса в культурном плане с сельскими жителями. Однако даже после перевода в середине – второй половине 1950-х гг. большей части интеллектуалов в статус колхозников они не отождествляли себя с другими социальными слоями колхозного социума, четко формулировали свои групповые интересы. Так, проявление реакции на изменение своего социального положения в эти годы выразилось в том, что специалисты активно писали об ущемлении своего правового и экономического положения в редакции центральных и местных газет, часто обращались за помощью и защитой в вышестоящие органы. Кроме того, протест интеллектуалов выражался в уходе большей их части из деревни во второй половине 1950-х – начала 1960-х гг. Формирование и отстаивание аграрными интеллектуалами своих групповых интересов может свидетельствовать о разви-

тии процесса складывания интеллектуалов сельского хозяйства как отдельного социального класса советской деревни.

Таким образом, вследствие особенностей правового и экономического статуса сельскохозяйственных интеллектуалов происходило формирование их ментально-поведенческих характеристик, которые отличали интеллектуалов от других социальных категорий аграрной подсистемы. Сосредоточение основной части интеллектуалов сельского хозяйства до середины 1950-х гг. в государственном укладе приводило к тому, что они не отождествляли себя с колхозным населением, осознавали свою особую роль представителя государства в колхозах, при этом стремились занять прочные позиции в аграрном производстве и сельском социуме. После перевода в середине – второй половине 1950-х гг. интеллектуалов в статус колхозников они продолжали осознавать свою групповую идентичность, о чем свидетельствует то, что после перемещения в колхозы, они формулировали и активно отстаивали свои интересы, отличавших их от других социальных категорий сельскохозяйственного населения.

Источники и литература

1. *Безнин, М.А.* Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2010.
2. *Безнин, М.А.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930 – 1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 91 – 102.

3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 25223. – Оп. 2. – Д. 192.
4. *Вяткин, А.* Творцы плодородия. Очерки об участковых агрономов МТС / А. Вяткин. – М., 1950.
5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Оп. 3474. – Оп. 1. – Д. 2356.
6. ГААО. – Ф. 3474. – Оп. 1. – Д. 2246.
7. *Гришина, Е.А.* «Старая» и «новая» российская интеллигенция – противоречия социальной идентификации / Е.А. Гришина // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: Материалы XII теоретико-методологической конференции. – М., 2012. – С. 41 – 53.
8. Классы, социальные слои и группы в СССР / отв. ред. Ц.А. Степанян, В.С. Семенов. – М., 1990.
9. Красное знамя. – 1940. – 26 февраля.
10. *Николаева, Г.* Жатва / Г. Николаева. – М., 1952.
11. Правда. – 1948. – 13 июля.
12. Правда Севера. – 1954. – 14 апреля.
13. Правда Севера. – 1957. – 2 июля.
14. Правда Севера. – 1958. – 15 марта.
15. Руткевич, М.Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества / М.Н. Руткевич. – М., 1975.
16. Социалистическое земледелие. – 1932. – 29 августа.
17. Социалистическое земледелие. – 1932. – 11 сентября.
18. Социалистическое земледелие. – 1932. – 27 ноября.
19. Социалистическое земледелие. – 1939. – 3 января.
20. Социалистическое земледелие. – 1939. – 10 мая.
21. Социалистическое земледелие. – 1947. – 29 августа.
22. Социалистическое земледелие. – 1954. – 15 мая.
23. Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических исследований 1938 и 1969 гг. – М., 1976.
24. *Тюрина, А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946 – 1958 гг. / А.П. Тюрина. – М., 1973.

УДК 94+908 (470+571)

К.А. Юдин

Научный руководитель: декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории доктор исторических наук, профессор А.А. Корников

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ (КПК) ПРИ ЦК ВКП(б) В ИЮЛЕ 1940 – ИЮНЕ 1941 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья посвящена одному из эпизодов истории партийно-политического контроля СССР и его конкретного ведомства – Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). Предпринята попытка с привлечением региональных материалов обозначить статус и основные направления деятельности института уполномоченного КПК в предвоенный период.

Внутрипартийный контроль, уполномоченный КПК, механизмы власти, региональная модель управления, Верхнее Поволжье.

The article is devoted to one of the episodes in the history of party political control of the USSR and its specific authority - the Commission of Party Control (CPC) of the CC of the CPSU (b). The status and main activities of the institute of the commissioner of the CPC in the prewar period was identified with the help of regional materials.

Inner-party control, commissioner of the CPC, mechanisms of power, regional governance model, Upper Volga.

Одним из важнейших звеньев советской политической системы был внутрипартийный контроль, который практически на протяжении всей истории

СССР обладал исключительными полномочиями и статусом, поскольку именно партийная власть и принимаемые ей решения обладали в коммунистиче-